

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.И. Капелюшников

**ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА:
ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА Й.А. ШУМПЕТЕРА**

Препринт WP3/2024/03

Серия WP3

Проблемы рынка труда

Москва
2024

УДК 330.8
ББК 65.02
К20

Редактор серии WP3
«Проблемы рынка труда»
В.Е. Гимпельсон

Капелюшников, Р. И.

К20 Забытая классика: теория империализма Й. А. Шумпетера [Электронный ресурс] : препринт WP3/2024/03 / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Электрон. текст. дан. (365 Кб). — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 51 с. — (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»).

Работа посвящена анализу малоизвестного эссе одного из классиков экономической мысли XX века Й.А. Шумпетера (1883–1950) «Социология империализмов», где он предстает в качестве не экономиста-теоретика, а экономосоциолога. Проблема империализма интересовала Шумпетера практически на всем протяжении его научной карьеры. Предложенная им теория была полемически направлена против многочисленных марксистских трактовок, в которых империализм рассматривался как порождение позднего («монополистического») капитализма и которые он подверг развернутой критике. Империализм Шумпетер определял как лишенное рациональных целей стремление государства к безграничной насильственной экспансии, обнаруживая его примеры на протяжении всей истории от Древнего Египта до наших дней. В отличие от марксистских авторов в капитализме он видел не источник, а, напротив, антипод империализма. Его ключевая идея состояла в том, что империализм представляет собой атавизм, который коренится в социальных структурах и психологических установках, унаследованных современным миром от докапиталистической эпохи. Согласно его прогнозу, в ходе дальнейшего развития капитализма эти реликты прошлого будут изжиты и вместе с ними исчезнет империализм. Многие идеи, высказанные Шумпетером в его эссе, по-прежнему представляют значительный интерес.

УДК 330.8
ББК 65.02

Ключевые слова: Шумпетер, империализм, социология, экономическая интерпретация истории

JEL: A12, B13, N4, Z13

Капелюшников Ростислав Исаакович (rostis@hse.ru), член-корреспондент Российской академии наук (РАН), главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, заместитель директора Центра трудовых исследований (ЦетИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Препринты Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Капелюшников Р.И., 2024

Введение

Настоящая работа посвящена анализу малоизвестного эссе одного из крупнейших экономистов XX века Й. А. Шумпетера (1883–1950), которое представляет его в достаточно неожиданном свете. Речь идет о его небольшом тексте «Социология империализмов», где он выступает в необычном амплуа не экономиста-теоретика, а экономосоциолога [Schumpeter, 1966]. Это первое, но не последнее обращение Шумпетера к проблеме империализма: мы обнаруживаем несколько комментариев на эту тему в его «Экономических циклах» (1939), а его монументальный труд «Капитализм, социализм и демократия» (1942) содержит еще одно подробное ее обсуждение. Хотя написанное в годы Первой мировой войны и опубликованное сразу после ее окончания шумпетеровское эссе несет на себе несомненный отпечаток своего времени, многие высказанные в нем идеи даже по прошествии целого столетия не утратили, на наш взгляд, значения.

В конце XIX–начале XX веков среди экономистов и социологов развернулась широкая дискуссия о фундаментальных сдвигах в структуре современного капитализма, в фокусе которой оказались два сквозных сюжета — нарастающая монополизация производства, с одной стороны, и империалистическая политика крупнейших стран, с другой, причем в большинстве трактовок (прежде всего — марксистских) они напрямую связывались друг с другом. Особую остроту дискуссия приняла тогда, когда эти сдвиги начали рассматриваться как главный триггер Первой мировой войны. Насколько радикально изменили новые процессы саму природу капиталистической системы? Каковы их эффекты для разных классов и групп буржуазного общества? Что они означают — предвестие неминуемого краха капитализма или пролог к его более эффективному развитию? Эссе Шумпетера можно рассматривать и как вклад в это обсуждение и как реакцию на специфическую историческую обстановку, сложившуюся к концу Первой мировой войны. В нем он покидает привычную для себя сферу «чистой» экономической теории и обращается к социологической проблеме, которая большинством экономистов традиционно воспринималась как табу, — проблеме насилия.

Хотя первым, кто в начале XX века ввел в научный дискурс само понятие «империализм», был известный британский эконо-

мист Дж. Гобсон [Hobson, 1902], являвшийся по своим идеологическим предпочтениям не социалистом, а «новым либералом», впоследствии эта тема разрабатывалась почти исключительно марксистскими авторами, чьи взгляды Шумпетер объединял под общей рубрикой «неомарксистская школа». Его работа была полемически направлена против представителей этой «школы», как видно уже из самого ее названия, где термин «империализм» употреблен во множественном числе. Этим он с самого начала давал понять, что отвергает марксистскую идею о том, что существует лишь единственный тип империализма, представляющий собой порождение позднего («монополистического») капитализма. Опыт Шумпетера — едва ли не единственный пример полноформатной и детально проработанной немарксистской теории империализма. Несмотря на это публикация его исследования прошла практически незамеченной как в немецкоязычной, так и в англоязычной академической среде; в современной экономической и социологической литературе о нем также почти не вспоминают, а российскому читателю оно вообще осталось полностью неизвестным. Мы попытаемся восполнить этот пробел, рассмотрев ключевые идеи этого блестящего текста. Оговоримся, что анализируя его, мы сочли правильным, насколько возможно, «давать голос» самому Шумпетеру, приводя обширные выдержки из его работы.

Хотя шумпетеровское эссе мало читали и еще меньше на него ссылались [Krause, 2003], на его немногочисленных читателей оно неизменно производило сильнейшее впечатление. Так, по оценке американского экономиста О. Тейлора, «эссе Шумпетера “Социология империализмов” — совершенно блистательная работа, насыщенная поразительными по широте и богатству сведениями из древней, средневековой и современной истории и демонстрирующая глубокие прозрения на каждой странице, — представляет собой великолепное чтение» [Taylor, 1951, 545]. Как отмечал Х. Дэвис, любого читателя работы Шумпетера об империализме «не могут не впечатлить оригинальность и стройность его идей» [Davis, 1951, 466]. По словам историка Дж. Каутского, это «одна из наиболее изощренных теоретических конструкций по данному предмету» [Kautsky, 1961, 102]. Политолог К. Кнорр отмечал мастерство, с которым написана работа: «В работе Шумпетера представлен богатейший набор

тем. Его анализ полон глубоких идей и сверкает пронизательными комментариями. Читая его исследование, испытываешь высочайшее интеллектуальное удовольствие» [Knorr, 1952, 420]. Многие комментаторы особо выделяли междисциплинарную направленность шумпетеровского анализа — его стремление «распространить методы и представления экономической науки на области, традиционно лежавшие вне сферы компетенции экономистов-теоретиков» [Swedberg, 1991b, 137].

Более того, насколько можно судить по переписке Шумпетера, сам он своей трактовкой проблемы империализма был «вполне удовлетворен» [Swedberg 1991a, 49]. По свидетельству П. Суизи, после смерти Шумпетера его жена нашла список из шести написанных им работ (подготовленный, по-видимому, с рекламными целями по просьбе организаторов намечавшегося цикла его лекций), которые сам он оценивал особенно высоко [Sweezy, 1951, 119]. Это четыре книги по экономике — «Сущность и основное содержание теоретической национальной экономики» (1908), «Теория экономического развития» (1912), «Экономические циклы» (1939), «Капитализм, социализм и демократия» (1942) и две статьи по экономической социологии — «Социология империализмов» (1918/1919) и «Социальные классы в этнически однородной среде» (1927). Все, похоже, указывает на то, что свое исследование по империализму он считал несомненной теоретической удачей.

С чем же могла быть связана достаточно безразличная реакция академического сообщества? Здесь можно выделить несколько факторов, помешавших, по-видимому, адекватному восприятию шумпетеровского исследования. Во-первых, оно появилось слишком поздно, когда первая волна увлечения теоретическими проблемами империализма, возникшая в самом начале XX века и достигшая пика непосредственно в годы Первой мировой войны, практически сошла на нет. Хотя спустя несколько десятилетий — уже после Второй мировой войны и особенно после крушения системы колониализма — интерес к феномену империализма возродился (большинство известных его теорий относятся именно к этому периоду), он начал пониматься и трактоваться совершенно иначе, чем раньше¹. Во-вторых,

¹ Если в фокусе теорий империализма первого поколения находились отношения между развитыми странами по поводу «дележа» развивающегося мира, то

как упоминалось выше, за исключением концепции Гобсона теория Шумпетера была едва ли не единственной целостной не-марксистской попыткой осмысления империализма, в то время как практически все альтернативные теории разрабатывались в кругу марксистских авторов (Р. Гильфердинг, О. Бауэр, Р. Люксембург, Н. Бухарин, В. Ленин, К. Каутский). В-третьих, работа Шумпетера попала в своего рода дисциплинарный «зазор», когда экономисты были склонны относить ее к сфере социологии, а социологи — к сфере экономики. Авторское определение работы как опыта по «экономической социологии» мало чем помогало.

По большому счету разработанная Шумпетером теория предстает как альтернатива марксистскому подходу, чего сам он, собственно говоря, никогда не скрывал. В «Социологии империализмов», а позднее в «Экономических циклах» и «Капитализме, социализме и демократии» мы встречаем множество иронических комментариев по поводу узости и ограниченности марксистских концепций, которые пытаются «свести империалистические проявления к экономическим классовым интересам современной эпохи ... [и] трактуют империализм просто как отражение интересов капиталистической верхушки на данной стадии развития капитализма» [Schumpeter, 1966, 7]. Можно, наверное, лучше представить ход этой дискуссии, если дать сначала краткое описание марксистских объяснений империализма, против которых была направлена критическая атака Шумпетера.

Исходный пункт «неомарксистской школы» — представление о том, что империализм вытекает из действия объективных законов капиталистического производства и представляет собой их необходимое следствие. Утверждалось, что на определенном этапе своей эволюции капитализм начинает сталкиваться с проблемами перенакопления (тенденция нормы прибыли к понижению из 1-го тома «Капитала» К. Маркса) и/или недопотребления (проблема реализации из 2-го тома «Капитала»), которые грозят подорвать его существование, но которые невозможно решить, оставаясь в узких рамках национальных экономик². Смягчить их (временно) можно только за счет сброса избыточной продукции

в фокусе теорий второго поколения — отношения между развитыми и развивающимися странами (прежде всего — между бывшими метрополиями и бывшими колониями) [Brewer, 2001].

² О теоретической несостоятельности идей перенакопления и недопотребления см.: [Brewer, 2001].

или избыточного капитала в развивающиеся страны, где капитализм еще недостаточно развит и где поэтому сохраняются высокий потенциальный спрос и высокая норма прибыли. В этой ситуации классовые интересы капиталистической верхушки делают неизбежным переход к империализму, то есть к политике захвата внешних рынков и недопущению на них конкурентов из других стран, в том числе — с помощью военной силы. Капиталистические страны вступают в ожесточенную схватку за дележ развивающегося мира, что рано или поздно ведет к развязыванию империалистических войн³. В подобной перспективе империализм предстает как прямое отражение экономических противоречий, имманентно присущих капиталистической системе. «Неомарксистская школа» утверждала также, что объективные экономические законы ведут к изменению самого характера капитализма и он из конкурентного превращается в монополистический. И поскольку империализм возникает из недр именно монополистического капитализма, он начинал рассматриваться как олицетворение его наиболее зрелой — последней или высшей — фазы. Монополии выступают, с одной стороны, как наиболее передовая и развитая часть капиталистического мира, а, с другой, как главный инициатор и проводник империалистической политики. Как следствие, империализм оказывается полностью новым явлением: он не мог появиться, пока капитализм не достиг современного, продвинутого уровня развития⁴.

Шумпетеру такая аргументация представлялась явно ущербной и он противопоставлял ей свое альтернативное видение проблемы.

Из-первых, вопреки «неомарксистской школе», он исходил из того, что империализм — это вовсе не уникальное явление,

³ «Экспорт капитала превращается в колонизацию, если в целях защиты инвестиций как от враждебной реакции местного окружения или, если угодно, от сопротивления эксплуатации, так и от конкуренции со стороны других капиталистических стран слабо развитая страна становится объектом политического подчинения. Как правило, оно происходит с помощью военной силы, поставляемой либо самими капиталистами-колонизаторами, либо правительствами их стран ... Происходят завоевания, возникают противоречия между капиталистическими странами, ведутся разрушительные войны между соперничающими группами буржуазии» [Шумпетер, 2008, 428].

⁴ Российские читатели могут быть знакомы с «неомарксистской» трактовкой империализма по работе В. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» [Ленин, 1969].

возникшее на рубеже XIX–XX веков, а нечто, существовавшее в истории человечества тысячелетиями. Эта проблема заявляла о себе в самые разные эпохи, включая, что принципиально важно, докапиталистические формации. Исходя из такого понимания он стремился предложить максимально широкую теоретическую конструкцию, которая была бы одинаково верна и для Древнего Египта, и для феодальной Франции, и для современного буржуазного общества.

Во-вторых, его анализ не ограничивался каким-то одним, а охватывал целую серию империализмов (см. выше), специфических для разных обществ и разных исторических эпох. Мысль о множественности империализмов он подкреплял бесчисленными примерами из экономической истории, показывая, что к империализму могли вести несхожие пути, что в его основе могли лежать неодинаковые механизмы и что существует огромное разнообразие его типов и вариантов. Мы находим в его эссе оригинальную типологию империализмов в зависимости от того, в каких социальных условиях они возникали и затем воспроизводились.

В-третьих, Шумпетер отвергал экономический редукционизм, характерный для «неомарксистской школы». Проблема империализма, полагал он, настолько сложна и многолика, что ее невозможно сводить к действию одних только экономических факторов. Огромную (а фактически определяющую) роль он был склонен отводить разнообразным внеэкономическим факторам — сложившимся формам социальной организации, национальным культурным, правовым и политическим традициям, доминирующим социально-психологическим установкам. Само присутствие в названии его работы слова «социология» можно рассматривать как свидетельство его стремления противопоставить узкоэкономическому марксистскому подходу более широкий социологический подход⁵.

Говоря обобщенно, марксисты отрицали существование проблемы империализма в докапиталистическую эру; доказывали, что позднему капитализму объективно присуща тенденция к

⁵ В «Истории экономического анализа» Шумпетер так определял предмет экономической социологии: она изучает, во-первых, процессы формирования устойчивых паттернов экономического поведения людей и, во-вторых, институты, влияющие на экономическую организацию общества [Шумпетер, 2004, 24].

империализму, который понимался ими как конечная стадия капиталистического развития; наконец, видели в империализме прямое отражение изменений в экономической структуре общества. В глазах Шумпетера эта схема выглядела теоретическим нонсенсом: он приводил многочисленные примеры существования империализма в докапиталистических и доиндустриальных обществах; отрицал, что империализм вытекает из внутренних законов капиталистического развития и рассматривал его не как новейшую стадию капитализма, а как примитивное явление, возникшее задолго до его появления; наконец, объяснял империализм не экономическими, а преимущественно внеэкономическими факторами, унаследованными современным миром от минувшей эпохи.

В последующих разделах мы попытаемся проследить основные звенья шумпетеровской аргументации, из которой возникал такой необычный «портрет» империализма.

Определение и общая объяснительная схема

Шумпетер начинает свой анализ с краткого вступительного раздела, где обрисовывает общие контуры проблемы, которую собирается обсуждать. Суть этой проблемы виделась ему в том, что, как показывает история, агрессивные действия со стороны государств или более ранних «государствоподобных» образований далеко не всегда поддаются объяснению с помощью ссылок на какие-либо конкретные реальные интересы. Конечно, есть множество ситуаций, где такие объяснения хорошо работают: «Когда два племени вступают в конфликт из-за крупных соляных копей или охотничьих угодий; или когда государство, окруженное со всех сторон таможенными и коммуникационными барьерами, прибегает к агрессии, чтобы получить доступ к морю, мы имеем перед собой примеры, когда агрессия объясняется интересами» [Schumpeter, 1966, 3]. Причем конкретные интересы, провоцирующие такие акты агрессии, не обязательно должны быть чисто экономическими (они могут быть политическими, культурными и т.д.), охватывать все население (они могут ограничиваться какой-то одной социальной стратой) или декларироваться открыто (они могут быть как явными, так и неявными).

Гораздо большую сложность для научного анализа представляют ситуации иного типа, когда агрессия на государственном уровне оказывается не связана напрямую ни с чьими видимыми интересами — ни всего общества ни каких-либо отдельных его слоев. В подобных случаях речь идет уже не о выгодах, которые дает достижение тех или иных целей военными средствами, а о заинтересованности в войне как таковой, когда она выступает как самоцель. Каковы социальные и психологические предпосылки такой «беспредметной» агрессии и такого «безадресного» воинственного настроя? Именно в этом контексте, по мысли Шумпетера, и возникает проблема империализма.

Конечно, этим термином так часто злоупотребляли, что он во многом обесмыслился⁶. Тем не менее, полагал Шумпетер, едва ли кто-то назовет «империалистической» политику, направленную на достижение зримых конкретных целей, какой бы жестокой и кровопролитной она ни была: «Ибо использование слова “империализм” всегда подразумевает ... агрессию, истинные причины которой не сводятся к каким-то временным целям. Это агрессия, все сильнее разгорающаяся с каждым новым успехом, это агрессия ради самой агрессии, что выражается в таких терминах как “гегемония”, “мировое господство” и т. д.» [Schumpeter, 1966, 5]. Такой политике «экспансии ради экспансии, войны ради войны, победы ради победы, господства ради господства» не нужны никакие специальные предлоги, которые могли бы выдвигаться для ее обоснования [Ibid.].

Отсюда шумпетеровское определение, которое звучит так: «Империализм — это лишенное целей (objectless) стремление со стороны государства к безграничной насильственной экспансии» [Ibid., 6]⁷. Родовым признаком империализма, понимаемого таким образом, оказывается его немотивированность, бесцельность, беспричинность. К нему можно применить знаменитую формулу Э. Бернштейна: конечная цель — ничто, движение — все. «В истории человечества, — констатировал Шумпетер, — “бесцельные” стремления к насильственной экспансии вне определенных утилитарных границ, то есть нерациональные

⁶ В «Капитализме, социализме и демократии» Шумпетер называет понятие империализма «расплывчатым и не всегда верно употребляемым» [Шумпетер, 2008, 431].

⁷ Позднее шумпетеровское определение империализма использовала в своих работах Х. Арендт [Арендт, 2020].

и иррациональные, чисто инстинктивные устремления к войне и завоеваниям, играли очень большую роль. Может показаться парадоксальным, но бесчисленные войны (возможно, большая их часть) велись без адекватной причины — не столько даже с моральной точки зрения, сколько с точки зрения наличия осмысленного и разумного интереса. Иными словами, самые титанические усилия наций растворялись в пустоте» [Schumpeter, 1966, 64].

Как пояснял Шумпетер, предложенное им определение, с одной стороны, не противоречит обыденному словоупотреблению⁸ (в чем он видел его немаловажное достоинство), а, с другой, позволяет четко отграничивать то, что является империализмом, от того, что империализмом не является. Выделим несколько ключевых моментов.

Во-первых, при таком подходе проблема империализма оказывается жестко привязана к деятельности центрального политического института общества — государства, к его попыткам распространять свою власть на другие общества и другие территории. Экспансию, организуемую и проводимую отдельными авантюристами или частными компаниями (например, Ост-Индской), Шумпетер выводил за рамки своего определения.

Во-вторых, империализм оказывается неразрывно связан с актами насилия — войнами, захватами, агрессией. Это всегда «политика агрессии», «насильственное самоутверждение», «жажда экспансии», «воля к войне» [Ibid., 12, 17, 38, 64]. Движущей силой империализма выступают группы, социальная организация, интересы, привычки и идеология которых ориентированы на войну и которые воспринимают ее как нормальное и желательное состояние. Его важнейший инструмент — создаваемый государством военный аппарат. Будучи однажды приведена в движение, эта «военная машина» нередко начинает действовать как самостоятельная сила: «Рожденная войнами, для которых она была необходима, эта машина рождала затем войны, которые были необходимы ей» [Ibid., 25]. Критическим порогом при зарождении всякого империализма Шумпетер считал момент, когда в ответ на жизненно важные потребности общества,

⁸ В обыденной речи «империалистической называется политика, направленная на распространение контроля данного правительства на группы иной национальности против их воли» [Шумпетер, 2008, 823].

диктуемые объективной ситуацией, нация формирует «военную машину» и соответствующую ей политическую и социальную организацию, которые даже после того, как первоначальная цель достигнута, все равно продолжают действовать, толкая на путь войн и завоеваний всякий раз, когда для этого появляются благоприятные условия.

В-третьих, под шумпетровское определение не подпадают насильственные действия, продиктованные рациональными соображениями, отражающие реальные интересы акторов и предполагающие явную или неявную калькуляцию издержек/выгод. В этом смысле империализм предстает как отрицание разума и рациональности: он сам себе смысл и цель. Стремление к войнам и захватам без какого-либо расчета на извлечение конкретных выгод порождается инстинктами (инстинктом борьбы) и, таким образом, иррационально по определению. Хотя Шумпетер прекрасно сознавал бесконечную сложность человеческой мотивации, конкретные реальные мотивы (экономические, религиозные и т.д.), которые могут присоединяться к имперскому «драйву», усиливая его, он рассматривал только как дополнительные и вспомогательные [Schumpeter, 1966, 32, 82]⁹.

В-четвертых, поскольку империалистическая экспансия является самоцелью, она оказывается безостановочной. Если агрессивная политика, преследующая конкретную цель, после того, как поставленная цель достигнута (скажем, расширение рынка сбыта или получение доступа к источникам сырья), прекращается, то агрессивная политика, не имеющая таких целей, не заканчивается никогда: это самоподдерживающийся процесс, который «не имеет никакого адекватного объекта сверх и поми-

⁹ Шумпетер признавал, что однозначно определить, стоит ли за агрессивными действиями государства какой-либо конкретный реальный интерес, не просто. Его наличие удастся установить при выполнении трех условий: «(1) конкретный интерес должен *иметься в наличии* в том смысле ... что наблюдатель способен его идентифицировать»; «(2) поведение изучаемого государства должно строиться в расчете на то, чтобы *способствовать* достижению этого интереса, так что общая сумма ожидаемых жертв и рисков будет находиться в известной пропорции по отношению к предполагаемым выгодам»; «(3) должна существовать возможность *доказать*, что этот интерес независимо от того, признается он в явной форме или нет, на самом деле является *политической движущей силой*, подталкивающей к подобному поведению» [Schumpeter, 1966, 4, курсив автора]. По Шумпетеру, феномен империализма не отвечает ни одному из этих условий и, следовательно, за ним не стоит ни чьих конкретных реальных интересов.

мо самого себя» [Schumpeter, 1966, 6]. Она сходит на нет только тогда, когда в обществе начинает истощаться питающий ее воинственный дух: в любой империалистической стране война из чрезвычайной ситуации превращается в норму и продолжает оставаться таковой до тех пор, пока либо поражение не сокрушит «военную машину» либо «столетия мирной жизни не подточат воинственный настрой и не подорвут соответствующую ему социальную организацию» [Ibid., 27].

В результате объяснительная схема Шумпетера включает три элемента, строится на трех уровнях. Прежде всего это психологические предпосылки, заложенные в природу человека, — «нерациональные и иррациональные, чисто инстинктивные склонности к войне и завоеваниям» [Ibid., 65]. Однако для объяснения политики безостановочной агрессии простых ссылок на «позывы» или «инстинкты» недостаточно. Ключевое значение имеют ориентированные на войну институты, которые возникают в ответ на жизненно важные потребности общества, когда оно попадает во враждебную окружающую среду. Историческая необходимость превращала целые народы и классы в воинов (если они хотели избежать истребления), формируя психологические установки и социальные структуры, необходимые для противодействия внешней угрозе. Такие возникшие в далеком прошлом психологические установки и социальные структуры, раз прочно утвердившись, очень часто продолжали сохраняться и действовать даже «после того, как утратили значение и смысл с точки зрения потребностей [общества] в выживании» [Ibid., 64]. К ним могут присоединяться дополнительные факторы. Когда ориентация на войну соответствует интересами правящих классов (как это обычно бывает) и/или совпадает с частными интересами определенных групп, получающих от военной политики те или иные конкретные преимущества (экономические или социальные), это придает психологическим установкам и социальным структурам, сформированным объективными обстоятельствами далекого прошлого и ставшим в новых условиях бесполезными, еще большую устойчивость: «Империализмы могут сильно отличаться друг от друга, но всем им присущи как минимум эти три общих характеристики, превращающие их в единый социологический феномен» [Ibid., 65].

Отсюда — центральная идея шумпетровского эссе, согласно

которой в социологической перспективе империализм представляет собой атавизм: «Он относится к большому числу пережитков, сохраняющихся от более ранних эпох, которые играют столь важную роль в любой конкретной социальной ситуации. Другими словами, это элемент, который вытекает из жизненных условий, но не настоящего, а прошлого, или, говоря языком экономической интерпретации истории, из предшествующих, а не нынешних производственных отношений» [Schumpeter, 1966, 65]. В «Экономических циклах» Шумпетер прямо называл свою теорию «теорией империализма как атавизма» [Schumpeter, 1939, 696]. И поскольку он усматривал в империализме не новейшую, наиболее передовую фазу развития капитализма, а анахронизм, уцелевший от давно прошедших докапиталистических времен, это неизбежно ставило его в жесткую оппозицию по отношению к марксистским трактовкам.

Как известно, отношение Шумпетера к Марксу-социологу было неоднозначным: какие-то его концепции, как, например, идею «экономической интерпретации истории»¹⁰, он ставил чрезвычайно высоко, но какие-то, как, например, теорию классовой борьбы, считал полностью несостоятельными. Можно сказать, что в своем анализе империализма он исходил из марксовской схемы «экономической интерпретации истории», соглашаясь с ней в главном — с тем, что в конечном счете именно экономической структура общества определяет его институциональную надстройку: «Формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций» [Шумпетер, 2008, 384]. Однако признавая полезность этого инструмента, он резко возражал против того, как им пользовались марксистские авторы, когда существующие в ту или иную эпоху институты и психологические установки начинали рассматриваться как прямое отражение характерного для этой эпохи способа производства.

Во-первых, настаивал Шумпетер, никакого взаимно-однозначного соответствия между экономической структурой обще-

¹⁰ «“Экономическая интерпретация истории”, несомненно, является одним из величайших открытий современной социологии, совершенных каким-либо исследователем» [Шумпетер, 2008, 383]. Сам Маркс писал о «материалистическом понимании истории», но Шумпетер считал это обозначение вводящим в заблуждение и никогда им не пользовался.

ства, с одной стороны, и его социальными институтами и психологическими установками, с другой, не существует и существовать не может. Эволюция институциональной надстройки всегда запаздывает по отношению к эволюции экономической структуры и это запаздывание может измеряться веками: «Привычные способы политического мышления и чувствования в данную эпоху никогда не могут быть простыми “рефлексами” или аналогами существующей в ту же эпоху производственной ситуации. Из-за устойчивости таких привычек в них всегда будет в значительной мере присутствовать производственный контекст предшествующих эпох» [Schumpeter, 1966, 7]¹¹. Во-вторых, он считал абсурдом сводить империализм, как это делали «неомарксисты», к классовым интересам капиталистической верхушки, как они сформировались на поздней стадии развития капитализма. Дело не только в том, что империализм гораздо старше капитализма и что его движущей силой никогда не являлись экономические интересы в узком смысле, но также в том, что в разные эпохи приверженность к нему могли демонстрировать самые разные классы и социальные группы — не только высшие, но и низшие¹². В «Капитализме, социализме и демократии» Шумпетер иронически замечал, что в данном отношении «неомарксистские» объяснения недалеко ушли от конспирологических фантазий о всемирном заговоре сионских мудрецов [Шумпетер, 2008, 435].

Происхождение: термин «империализм» как популярное клише

Вслед за этим Шумпетер обращается к родословной самого выражения «империализм»¹³. Своим появлением в качестве

¹¹ Ср.: «Социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно мотетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями, а поскольку разные структуры и типы обнаруживают различные способности к выживанию, мы почти всегда обнаруживаем, что фактически существующие группы и реальное национальное поведение более или менее отклоняются от того, какими им следовало быть, если бы мы попытались вывести их из господствующих форм производственного процесса» [Шумпетер, 2008, 385].

¹² «Власть финансистов над промышленностью, а тем более над национальной политикой, включая большую часть международной политики, — замечал Шумпетер в «Экономических циклах», — это басня для газет, до смешного расходящаяся с фактами» [Schumpeter, 1939, 697].

¹³ Считается, что само слово «империализм» появилось во Франции в начале

популярного лозунга оно обязано британскому премьер-министру Б. Дизраэли (1804–1881), который в программной речи в 1872 г. выдвинул план создания «Имперской Федерации». В рамках этого плана британские колонии должны были приобрести статус автономных членов единой империи, сформирован таможенный союз, создана единая система обороны, а на вершине всей структуры должен был стать центральный представительный орган в Лондоне. Идея Дизраэли спровоцировала широкую публичную дискуссию и дала сильный импульс развитию империалистических тенденций, чему в немалой степени способствовало то, что его речь апеллировала к национальным чувствам англичан, «пробуждая темные силы подсознания и взывая к инстинктам, сформированным жизненными привычками далекого прошлого» [Schumpeter, 1966, 11]¹⁴. Консерваторы начали активно использовать новое модное слово как политическое оружие в полемике против либералов. Аргументы в пользу протекционистских тарифов, усиление милитаристских настроений, идеология единой «Великой Британии» предвещали, по словам Шумпетера, «агрессивные действия, которые проявились бы достаточно быстро, если бы этот план смог когда-нибудь перейти из сферы лозунгов в область реальной политики» [ibid.].

Отсюда возникло и получило широкое распространение представление о том, что именно Англию и ее действия на международной арене следует считать наиболее полным воплощением новейшего империализма, а поскольку одновременно она была и родиной «классического» капитализма, оставался всего один шаг до того, чтобы связать одно с другим и объявить империализм прямым порождением капитализма. Шумпетер переворачивает это расхожее представление с ног наголову. В отличие от стран континентальной Европы, доказывал он, Англия практически всегда оставалась глубоко пацифистской и глубоко антиимпериалистической, откуда следовало, что империализм и

XIX века и использовалось первоначально для обозначения завоевательной политики Наполеона. Однако в современном значении это понятие начало употребляться в Англии в последней трети XIX века, откуда затем проникло в другие европейские языки. Тогда же оно приобрело однозначно негативную оценочную окраску.

¹⁴ «Изгнанное отовсюду, иррациональное ищет прибежища в национализме — иррациональном комплексе, состоящем из воинственности, потребности в ненависти, изрядной толики примитивного идеализма, а также самого наивного (а, следовательно, и самого безудержного) эгоизма» [Schumpeter, 1966, 11-12].

капитализм — антиподы вопреки тому, что обычно думают. В пользу такой, на первый взгляд, контринтуитивной точки зрения он приводил несколько аргументов.

Во-первых, по наблюдениям Шумпетера, ни Дизраэли ни его преемники не предприняли никаких реальных шагов для осуществления имперской программы, так что британский империализм так и остался империализмом лишь на словах, но не на деле [Schumpeter, 1966, 13]. Поскольку за ним не стояло никакой реальности, его следует воспринимать как чисто декоративное явление. Во-вторых, на протяжении всего XIX века именно Англия выступала главным проводником политики свободной торговли, несовместимой ни с какими формами империализма. Промышленность нуждалась в свободной торговле, в условиях которой Англия выступала бы мировой мастерской, а остальные страны были бы потребителями ее продукции, а для этого был необходим мир. В-третьих, если говорить о таком, казалось бы, очевидном проявлении «имперскости» как англо-бурская война (1880–1881; 1899–1902), то ее Шумпетер оценивал как кратковременный эксцесс, за которым не последовало никакого продолжения, — как случайное отклонение от генерального тренда. Действительно, у публики эта война встретила всеобщее осуждение и симпатии подавляющего большинства британцев оказались на стороне буров [Ibid., 14].

В исторической перспективе, пояснял Шумпетер, отторжение империализма может считаться традиционным для английского общества. Независимо от своего социального положения, подавляющее большинство англичан всегда крайне отрицательно относились к милитаризму, интервенционизму, империалистической политике — это было в равной степени характерно как для рабочего класса, так и для основной части буржуазии. Общество не испытывало энтузиазма по поводу идеи мировой империи, не имело привычки восхищаться военным блеском и внешнеполитическими авантюрами и продолжало верить в преимущества свободной торговли. Интервенционизм и протекционизм «были настолько непопулярны и так мало соответствовали настроениям народа, что всякий политик, желавший выдвинуться и стать влиятельным, тщательно избегал их» [Ibid., 171]. Поэтому даже тогда, когда среди публики возникала мода на «имперскость», это никогда не шло дальше голой риторики: по словам Шумпе-

тера, массы британского электората «никогда бы не санкционировали империалистическую политику, которая потребовала бы от них каких-нибудь жертв» [Schumpeter, 1966, 14]¹⁵.

Отвечая на вопрос, почему начиная примерно с конца XVII века империализму никогда не удавалось пустить в Англии глубокие корни и стать господствующим направлением политики, Шумпетер ссылаясь на уникальные особенности исторического развития этой страны. Конечно, в прошлом она, как и почти все прочие европейские государства, была не чужда империалистического «драйва». По мысли Шумпетера, поворотным пунктом стало поражение короля в борьбе с парламентом в конце XVII века, в результате которого был устранен центральный элемент империалистической социальной организации — абсолютная власть монарха. Примерно так же обстояло дело и с другим ее важнейшим элементом — «военной машиной», склонной превращаться в самостоятельную политическую силу. Хотя между двумя ведущими британскими политическими партиями — вигов и тори — существовало множество разногласий, в одном пункте они были едины: сначала обе делали все возможное, чтобы не допустить появления в стране профессиональной армии, а когда ее создание стало неизбежным, начали прилагать усилия к тому, чтобы не допустить ее неконтролируемого разрастания и превращения в отдельное сословие [Ibid., 17].

В итоге британский «империализм», если такое определение вообще к нему приложимо, приобрел неординарный характер. Во-первых, это был почти исключительно «защитный» экспансионизм, направленный против империалистических притязаний континентальных держав (Франции, Германии, других), стремившихся к получению монопольных привилегий для продвижения своих интересов. Во-вторых, это был почти исключительно «частный» экспансионизм, когда завоеванием колоний занималось не государство, а частные агенты — либо авантюристы, не сумевшие найти себе дела дома, либо люди, по каким-то причинам оказавшиеся в изгнании. Причем в глазах общественного мнения «не было никого, кто был бы более непопулярен, чем работарговец или «набоб», вернувшийся домой с карманами,

¹⁵ «Чем более полно выражен капиталистический характер в структуре и менталитете нации, тем более эта нация миролюбива и тем более склонна задумываться о потерях, которые несет с собой война» [Шумпетер, 2008, 508].

набитыми награбленным золотом» [Schumpeter, 1966, 19]¹⁶. Государство вмещивалось (как правило, неохотно) только тогда, когда колонии уже были завоеваны. В результате с начала XVIII века в Англии никогда не существовало полноценного империализма — в том смысле, как его определил Шумпетер [Ibid., 22].

Как следствие, мода на «имперскость», захватившая на какое-то время английскую публику в конце XIX — начале XX веков, не возникла, если воспользоваться образным выражением Шумпетера, из недр социального бытия, а была не более чем рябью на его поверхности. Она была порождена сменой политической конъюнктуры и возросшим влиянием некоторых групп со специальными интересами в сочетании с не до конца изжитыми примитивными психологическими привычками: «Агрессивный национализм ... воинственные и властные инстинкты, восходящие к далекому прошлому и дожившие до настоящего времени, не умирают в одночасье» [Ibid., 22]. Но поскольку в Англии не было ни влиятельных сил, способных объединиться вокруг завоевательной политики, ни ориентированных на войну элементов социальной структуры, империализм, согласно диагнозу Шумпетера, был в любом случае там уже мертв и уже не поддавался реанимации.

Здесь может возникнуть вопрос: зачем Шумпетеру понадобился подробный экскурс в политическую историю Англии? Ответ прост: если страна «классического» капитализма является антиимпериалистической, то, значит, вопреки «неомарксистским» трактовкам, империализм не выводится напрямую из капитализма — его истинные истоки нужно искать в другом месте. Эту тему — не просто о несвязанности, но о несовместимости империализма и капитализма — Шумпетер подробно развивает в следующих разделах.

Многообразие империализмов

От анализа «декоративного» империализма, существующего лишь на словах, Шумпетер переходит к анализу реального империализма, существовавшего на практике. Он предлагает широкую панораму древней, средневековой и современной исто-

¹⁶ «Лишь ценой огромных усилий, — добавлял Шумпетер, — такой человек мог обеспечить себе прочное социальное положение» [Schumpeter, 1966, 19].

рии Европы и Ближнего Востока — от древних империй Египта, Ассирии и Персии, империй Александра Македонского и Рима, арабов и франков до абсолютных монархий Нового времени. В конечном итоге этот обзор, поражающий необычайной исторической эрудицией, призван продемонстрировать, что вопреки утверждениям «неомарксистской школы», империализм конца XIX — начала XX веков не был каким-то уникальным, никогда ранее не встречавшимся явлением и, соответственно, «уже по одной этой причине его никак нельзя считать продуктом современной экономической эволюции» [Schumpeter, 1966, 23]. Шумпетер рассматривает несколько наиболее репрезентативных с его точки зрения кейсов.

Первым в этом ряду оказывается Египет. Египет изначально являлся нацией крестьян и во времена Древнего и Среднего царств не был, по оценке Шумпетера, ни агрессивным ни империалистическим — практически вся его военная активность сводилась к защите границ. Ситуация изменилась в эпоху Нового царства после вторжения гиксосов, когда из-за необходимости противостоять им царская власть произвела социальную революцию, создав новую военную аристократию. Возник класс профессиональных военных, который помог фараонам централизовать государство, подавив сопротивление региональных властителей, и который мог сохранять свои привилегированные позиции только с помощью постоянного участия в военных действиях. Полтора века борьбы с гиксосами милитаризовали страну и сформировали «военную машину», которая затем в течение примерно тысячи лет без каких-либо конкретных целей вторгалась в Африку и Азию, когда и где только появлялась такая возможность [Ibid., 24]. Кампания следовала за кампанией без малейшего намека на какие-либо рациональные мотивы. Немотивированное стремление к безграничной экспансии, ко все новым и новым завоеваниям — это был типичный империализм [Ibid., 25].

Египетский кейс Шумпетер относил к категории «государственного» империализма. Его отличительные черты: автократическое политическое устройство; наличие могущественной аристократии, составляющей особую военную касту; неучастие в войнах основной части населения, которое посвящает себя исключительно мирным занятиям — сельскому хозяйству, торгов-

ле и т.д. Ему Шумпетер противопоставлял «народный» империализм, когда политический строй оказывается более или менее демократическим (то есть когда правитель сильнее зависит от низших, чем от высших слоев общества), когда отсутствует класс профессиональных военных и когда «воля к войне и насильственной экспансии исходит непосредственно от самого народа» [Schumpeter, 1966, 25]. Особенности «народного империализма» он иллюстрировал на нескольких примерах из древней и средневековой истории.

Первый — персидская империя. В отличие от Египта Персия с самого начала появилась на исторической арене как нация-воин, поскольку это был «единственный способ выжить в том окружении, в котором она находилась» [Ibid., 26]. Такого рода «народный» империализм возникает на примитивной стадии племенной или даже клановой организации, когда общество еще не перешло к оседлому образу жизни: «Народный империализм появляется в истории тогда, когда прежде, чем народ получит возможность заняться мирной эксплуатацией ареала своего окончательного расселения, он успевает приобрести воинственный настрой и соответствующую социальную организацию» [Ibid., 27]. В нации воинов война никогда не рассматривается как чрезвычайная ситуация или вмешательство в частную жизнь, а, напротив, воспринимается как призвание и смысл существования [Ibid., 25]. На примере Персии Шумпетер опровергал расхожее представление о том, что главный мотив всякой империалистической экспансии — экономический (захват добычи, взимание дани, получение коммерческих преимуществ). Персы были на удивление терпимыми завоевателями, не пытались как-либо «оперсить» покоренные народы, изменить их социальный строй или подвергать их систематическому грабежу, практикуя вместо этого экономический, культурный и языковой плюрализм: «Несомненно, перед нами случай “чистого” империализма без каких-либо вкраплений национализма» [Ibid., 29].

Ассирия также с самого начала представала как страна «народного» империализма: «Война была естественным призванием как царя, так и народа» [Ibid., 30]. Правда, в отличие от Египта или Персии в войнах, которые она вела, всегда присутствовал сильный религиозный элемент, чем, по-видимому, и объяснялась их исключительная жестокость, не имевшая, по оценке

Шумпетера, равных во всей истории: всякий враг был прежде всего «врагом Ассура» [Schumpeter, 1966, 30]¹⁷. Это были войны на уничтожение, что соответствовало образу мышления и эмоциональным реакциям народа, его «духу», сформированному давно ушедшей социальной средой.

Однако наличие религиозного мотива, предупреждал Шумпетер, никогда нельзя принимать в качестве ключа к объяснению империалистической политики: в конечном счете она определяется социальными процессами, а религия только ее кодифицирует. Именно поэтому сам бог Ассура предстал в виде ненасытного бога войны. У таких обществ всегда возникает избыток энергии, который находит свой естественный выход в войнах. (Показательно в этом смысле, что царь и его приближенные рассматривали войну — наравне с охотой — просто как разновидность спорта.) Война служила удовлетворению потребности в определенном типе деятельности, к которой народ подталкивали психологические установки, бывшие когда-то критически важными для его выживания, но теперь переставшие быть полезными. Это был яркий пример экспансии ради экспансии: для ассирийцев «война и завоевания были не средством, но целью» [Ibid., 33].

Более сложный случай империализма с религиозной окраской дает история арабских завоеваний. Это еще одна нация воинов: арабы были кочевниками, неспособными экономически поддерживать себя сами, и в Аравии они выступали как класс господ, подвергавший систематической эксплуатации оседлое население, занимавшееся сельским хозяйством и торговлей [Ibid., 34]. Когда первая попытка Мухаммеда реформировать религиозный центр в Мекке потерпела неудачу, он решил повторить ее, но уже с гораздо большими силами. Так сформировалась мощная «военная машина», которая первоначально использовалась во внутренней борьбе за власть между арабскими племенами, но затем зажила собственной жизнью и обратилась к внешней экспансии: «Мы видим, как внутренняя борьба породила единую военную организацию, вокруг которой сплотились все силы

¹⁷ «Побежденных распинали, сажали на кол, сдирали кожу, тысячами замуровывали заживо, выкалывали им глаза или дробили конечности. Завоеванные города обычно испепелялись, жителей часто сжигали вместе с ними. В анналах ассирийских царей снова и снова повторяются выражения типа “стереть в пыль” или “обагрить горы кровью врага”» [Schumpeter, 1966, 31].

народа, в том числе в сфере идеологии, — военную машину, которая, однажды придя в движение, продолжала действовать, пока в нее подавали пар ... Война была нормальной функцией этой военной теократии» [Schumpeter, 1966, 37]. Арабы никогда не утруждали себя поиском хотя бы надуманных предлогов для начала войн и никогда их не объявляли. Их социальная организация нуждалась в войне и без успешных завоеваний она бы рухнула, а кроме того, она оставалась их обычным занятием¹⁸. Когда войн не было, они восставали или нападали друг на друга в ходе богословских споров: «Мы имеем типичный случай лишенной целей насильственной экспансии, порожденной жизненно важными потребностями далекого прошлого, превратившейся благодаря длительному привыканию в мощную силу и продолжавшей действовать до момента ее полного исчерпания» [Ibid., 38].

По утверждению Шумпетера, даже в исламском экспансионизме религия играла второстепенную роль, поскольку на протяжении нескольких поколений арабы не пытались уничтожить неверных, обращать их в свою веру или подвергать эксплуатации ради получения коммерческих выгод: «Смысл их борьбы заключался не в распространении веры, а в распространении арабского господства — иными словами, а в войнах и завоеваниях ради них самих» [Ibid., 42]. Когда покоренные народы принимали ислам, это был процесс адаптации, а не что-то, навязанное им завоевателями¹⁹. Религия просто действовала в том же направлении, что и всеобщий империалистический «драйв». И то, что было верно по отношению к арабскому империализму, следует считать верным по отношению ко всякому империализму с религиозной окраской [Ibid., 41].

Еще один пример «народного» империализма — история франков. И в этом случае империалистическая воля к войне и завоеваниям была волей самого народа и король был не более чем выразителем этих широких распространенных настроений [Ibid., 45]. В войнах участвовали все — не только высшие слои и не только класс профессиональных военных. И поскольку

¹⁸ По выражению Шумпетера, бедуины шли на войну как утки на водопой [Schumpeter, 1966, 36].

¹⁹ В этом контексте Шумпетер задавал риторический вопрос [Schumpeter, 1966, 39]: возник бы исламский империализм, если бы Мухаммед обратился со своей проповедью к мирным рыбакам Галилеи? И наоборот: последовали бы за ним бедуинские конники, если бы он проповедовал им мир и смирение?

король сильнее зависел от одобрения масс, чем от одобрения знати, он не мог позволить себе проводить непопулярную политику. Однако, оговаривался Шумпетер, имея сильно развитое земледелие, древние германцы не были военной нацией в полном смысле. Даже развязывая войны, они оставались прежде всего земледельцами: новые территории были нужны им для освоения, а не для безостановочной экспансии.

Этим он объяснял, почему империализм франков быстро исчерпал себя: «В отличие от арабов, они не представляли собой вооруженный лагерь на территории врага. Поэтому воля народа к завоеваниям как таковым вскоре выдохлась, когда основная масса франков почувствовали себя комфортно в новых районах расселения» [Schumpeter, 1966, 45]. Их вновь поглотила частная сфера — сельское хозяйство, охота и т.д. Народ утратил интерес к имперской политике и прямые контакты с центральной властью. Именно поэтому империя франков все время балансировала на грани распада: массы все активнее выражали недовольство воинской повинностью, а знать — своей феодальной службой.

Отсюда следует, что далеко не всякая воинственная нация обязательно тяготеет к империализму. Необходимы и другие предпосылки, которые подталкивали бы к нему и прежде всего — соответствующие формы социальной организации. Чтобы народ испытывал постоянную тягу к империализму, он не должен жить мирным трудом или, по меньшей мере, не должен быть поглощен им полностью. Когда это происходит, агрессивные инстинкты начинают оттесняться экономической злобой дня. Тогда даже знать — если только не возникает особой военной касты — оказывается не в силах устоять перед давлением экономических интересов и начинает довольствоваться управлением своими поместьями, своими должностями, охотой и стычками местного масштаба [Ibid., 46].

Помимо «государственного» и «народного» Шумпетер выделял еще две «аномальных» формы империализма. Первая — это «персональный» империализм политических лидеров-харизматиков, таких как Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, авторитет которых возрастает по мере их военных триумфов и которым для сохранения своей власти нужны непрерывные победы [Ibid., 50]. «Персональный» империализм недолговечен и угасает практически сразу, как только такие лидеры сходят со сцены.

Вторая — это «классовый» империализм, наиболее яркое воплощение которого Шумпетер усматривал в истории Рима. Парадоксально, но политику собственно Римской империи он считал неимпериалистической: ни императоры ни Сенат не стремились к новым завоеваниям, ограничиваясь только защитой уже имевшихся территорий. Действительно империалистическим Рим был, по его мнению, только в период от Пунических войн до прихода к власти Августа. Это была эпоха нескончаемого интервенционизма, который не поддается объяснению с точки зрения конкретных военных целей. Но при этом Рим не был нацией воинов и в нем не существовало ни милитаристского деспотического режима, ни особой касты военизированной аристократии.

Ключ в этой головоломке, полагал Шумпетер, дает анализ классовых интересов. Республиканский Рим — это пример империализма, целью которого было отвлечение внимания низших слоев (солдат и безземельных крестьян) от аграрной реформы, которую старалась не допустить сенатская аристократия. Хотя в войнах, которые он вел, присутствовал и мотив коммерческой выгоды (обеспечение притока дешевой рабской рабочей силы), их главный смысл заключался в том, чтобы служить отвлекающим маневром. Война выступала единственной альтернативой аграрной реформе: земельная аристократия, контролировавшая государственную машину, могла противостоять нависавшей угрозе революции только с помощью новых завоеваний и новых побед. Правящий класс был склонен искать предлоги для войны везде, где только можно, и заявлять, что страна в опасности всякий раз, когда происходило обострение социальной обстановки: «История не знает лучшего примера империализма, укорененного во внутриполитической ситуации и проистекающего из классовой структуры» [Schumpeter, 1966, 54].

Особое место в панораме, которую рисовал Шумпетер, занимал «абсолютистский» империализм европейских монархий Нового времени, поскольку от него, по его мнению, пролегает прямой путь к новейшему империализму конца XIX — начала XX веков. Это был еще один пример «государственного» империализма: он коренился «в самой природе абсолютистских государств XVII и XVIII столетий и повсюду был результатом победы монархий над сословиями и классами. В эти века борьба между ними сломала повсюду на континенте политический

хребет народа, оставив на опустевшей от прежних политических фракций сцене только короля, его солдат и его чиновников» [Schumpeter, 1966, 54]. Борьба короны против других князей и местной знати потребовала создания крупных постоянных армий и даже тогда, когда причины, которые вели к появлению этой «военной машины», исчезали, она сохранялась и продолжала действовать: «Всякий раз, когда у авторитарной власти оказывалось достаточно сил и активности, государства начинали проявлять империалистические тенденции, особенно в Испания, Франции и во многих частях Германии» [Ibid.].

Так, после победы над Испанией у Франции не осталось сильных внешних врагов, которые бы ей угрожали, что открывало путь для демилитаризации страны: «Но королевская власть опиралась на военный характер государства и на социальные факторы и психологические установки, которые оно выражало ... Военная машина продолжала давить на государство. Поэтому король осознавал себя прежде всего военачальником, украшавшим себя символами военного могущества. Его главной заботой было поддержание большой, хорошо оснащенной армии, которая оставалась бы активной и была бы напрямую связана с его личностью» [Ibid., 56]. Король мог не быть героем на поле боя, но он обязан был иметь подобную репутацию, что вытекало из социальной структуры того периода [Ibid.].

В политическом смысле ни крестьянство, ни другие трудящиеся классы не имели никакого веса. Аристократии также пришлось подчиниться короне, отказавшись от своей независимости и политических прав. Но хотя благодаря установлению внутреннего мира средневековые рыцари лишились своей прежней социальной функции и превратились в придворных при абсолютных монархах, это не мешало им продолжать идти по освященной временем дороге войны. Социальное положение аристократии осталось непоколебленным: она продолжала владеть поместьями, сохранять прежний престиж и представлять могущественную силу, с которой приходилось считаться королевской власти: «Ее подчинение короне больше напоминало соглашение, чем капитуляцию» [Ibid., 57].

Король нуждался в лояльности придворной аристократии и не мог править без ее поддержки: «Скорее этот класс, чем король, был фактическим хозяином государства» [Ibid., 58]. За его

поддержку корона платила синекурами, командными постами, высокими должностями, щедрыми пенсиями. Кроме того, чтобы избежать гражданской войны, аристократию нужно было все время чем-то занимать и лучше всего для этого подходили внешние войны: зарубежные кампании занимали и поглощали энергию дворянства, а с точки зрения короны они были безвредны и даже полезны. С одной стороны, действующей «военной машине» нельзя было позволять ржаветь и приходить в негодность, а, с другой, монархия нуждалась во внешних успехах, чтобы сохранить свои позиции внутри страны.

Это был полноценный империализм, обусловленный социальной структурой авторитарных государств и анахроническими психологическими установками правящего класса, а не сомнительными коммерческими выгодами, которые он был способен давать. Монархи хватались за любые военные планы независимо от того, были ли они выгодны экономически или нет [Schumpeter, 1966, 60]. Шумпетер особо подчеркивал, что Кольбер — единственный государственный деятель, который мог бы быть движущей силой экономически мотивированных завоеваний, — был ярким противником политики войны²⁰. Даже колониальные вопросы крайне слабо затрагивали европейскую политику великих держав, переселенцам и авантюристам чаще всего дозволялось решать эти вопросы на местах и им почти не уделялось внимания. Наконец, промышленность была по большому счету служанкой государственной политики, а не наоборот [Ibid., 61]. Эта бесцельная инерция непрерывно действующей «военной машины», эта жажда деятельности военизированного правящего класса, эта забота короны о сохранении своего престижа путем все новых и новых завоеваний оказываются «совершенно непостижимы для любого рационального объяснения, отталкивающегося от реальных интересов» [Ibid., 62].

Главную особенность новоевропейского империализма Шумпетер усматривал в том, что личные мотивы и интересы

²⁰ «Теория о том, что войны конца XVII и XVIII веков были коммерческими ... явное преувеличение. Индустриальная жизнь тогда только зарождалась, от ремесленного производства только начинали отказываться. Об экспорте капитала ... не могло быть и речи, и даже производство на экспорт было в количественном отношении настолько мало, что в политике государства его интересам не могло принадлежать важного места. В реальности этого и не было» [Schumpeter, 1966, 60].

монархов играли в нем намного большую роль, чем в других его формах [Schumpeter, 1966, 61]. И чем дальше на восток, тем ярче выступала фигура суверена, склонного считать государство и народ своей частной собственностью: «Абсолютный монарх, который может делать все, что ему заблагорассудится, который ведет войну так же, как участвует в охоте с гончими, — просто чтобы удовлетворить свою жажду деятельности, — таков облик абсолютистского империализма» [Ibid., 62].

Для Шумпетера было чрезвычайно важно (к этой мысли он возвращался снова и снова), что у многих современных государств, где продолжают существовать автократические режимы, выделенные им черты «абсолютистского» империализма сохраняются до сих пор.

Капитализм: источник империализма или его антипод?

Центральная тема эссе Шумпетера — взаимосвязь между империализмом и капитализмом. В трактовке этой проблемы он занимал позицию, противоположную позиции «неомарксистских» авторов, которые объявляли империализм продуктом позднего («монополистического») капитализма и его важнейшим проявлением. По мнению Шумпетера, взаимоотношения между этими феноменами гораздо сложнее и совсем не так однозначны.

Начать, наверное, следует с шумпетеровского понимания самого капитализма. В «Экономических циклах» он давал ему такое «институциональное», по его собственному выражению, определение: «Капитализм есть такая форма частнособственной экономики, в которой инновации осуществляются посредством заемных денег, что в общем случае, хотя в этом и нет логической необходимости, предполагает существование кредита. Исходя из такого определения общество, экономическая жизнь которого характеризуется частной собственностью и контролируется частной инициативой, не обязательно будет капиталистическим, даже если существуют, например, частные фабрики, наемные рабочие и свободный обмен товарами и услугами в натуральной или денежной форме» [Schumpeter, 1939, 223]. Наиболее общими предпосылками, способствовавшими утверждению капитализма, Шумпетер считал: выработку особой формы рационализма; установление мира в международных от-

ношениях; формирование новых социальных типов предпринимателя и промышленного рабочего.

Принципиально важным в этом контексте оказывается вопрос датировки. Здесь подход Шумпетера совпадал с подходом современных экономических историков: признавая существование разрозненных очагов капиталистического производства в Средние века, он тем не менее указывал, что определяющей силой социального развития капитализм стал не ранее второй половины XVIII века, датируя, таким образом, его рождение началом Промышленной революции²¹. Но если это так, то, значит, империализм — даже в «современной» форме — намного старше капитализма и, значит, хотя бы уже по чисто хронологическим соображениям на промышленный капитализм никак невозможно возлагать ответственность за расцвет европейского империализма XVI — XVIII веков²². Здесь, полагал Шумпетер, у «неомарксистов» явно не все в порядке с элементарной логикой.

Общая проблема, подлежащая анализу, формулировалась им так: «Присуща ли заинтересованность [в империалистической политике] внутренней природе капитализма — капитализма вообще либо какой-то особой его фазе?» [Schumpeter, 1966, 74]. Этот вопрос он рассматривал под несколькими углами зрения: 1) империализм и «чистый» капитализм; 2) империализм и «исторический» капитализм; 3) империализм и поздний («монополистический») капитализм; 4) будущее империализма.

Империализм и «чистый» капитализм. Как мы уже отмечали, лейтмотив аргументации Шумпетера — идея о том, что «капита-

²¹ «Лишь в процессе, который мы называем Промышленной революцией, рабочие массы, возглавляемые предпринимателями, преодолели узы старых форм жизни ... Трансформация базовых экономических факторов ... создала объективную возможность для производства товаров, для крупного промышленного производства, для предприятий, удовлетворяющих спрос анонимных потребителей через рынок и действующих исключительно ради получения максимальной финансовой прибыли ... Большое число успешных предприятий представляло собой нечто новое в экономическом и социальном смысле. Они боролись за свободу действий и добивались ее ... Капиталистические предприниматели боролись с прежними правящими кругами за контроль над государством, за лидерство в нем ... Их образ жизни, их способ мышления становились все более важными элементами социальной жизни» [Schumpeter, 1966, 66-67].

²² «Героические времена колониальных авантюр были временами раннего и незрелого капитализма, когда накопление капитала только начиналось» [Шумпетер, 2008, 432].

лизм *по своей внутренней природе* является антиимпериалистическим» [Schumpeter, 1966, 74, курсив автора]²³. Для ее обоснования он ссылаясь на несколько обстоятельств.

Во-первых, в отличие от иррациональности, присущей империализму, капитализм приносит с собой рационализацию практически всех сторон жизни общества. В этом пункте Шумпетер прямо следовал за М. Вебером, который считал рационализм продуктом развития капитализма [Adair-Toteff, 2014]. Логика рыночной конкуренции вырабатывает во всех слоях общества привычку к рациональному мышлению и рациональному поведению — к тому, чтобы ставить перед собой конкретные реальные цели, согласовывать их друг с другом и выбирать для их достижения наиболее подходящие средства (по сути — к тому, чтобы производить на регулярной основе калькуляцию выгод и издержек). Капитализм и рациональность — две стороны одной и той же медали: «Поведение людей рационализировалось, потому что нестабильность экономического положения ставила их выживание в зависимость от постоянных, сознательно принимаемых рациональных решений ... Приученные к экономическому рационализму, они не оставляли нерационализированными ни одну сферу жизни, ставя под сомнение все, что касается их самих, социальной структуры, государства, правящего класса. Следы этого процесса запечатлены во всех аспектах современной культуры. Именно рационализмом объясняются ее основные черты» [Schumpeter, 1966, 68]²⁴.

²³ Если Шумпетер описывал капитализм как глубоко антиимпериалистический, то Л. Мизес шел еще дальше, видя в империализме врожденную характеристику теории и практики социализма [Mises, 1983]. Поскольку социализм требует масштабного государственного вмешательства в экономику, он неизбежно порождает межгосударственное соперничество и насилие. В отличие от этого либеральное капиталистическое общество предполагает мирные отношения между людьми, строящиеся на ненасильственном экономическом обмене [Wasserman, 2019].

²⁴ Ср.: «Рациональная установка утвердилась, по-видимому, в первую очередь в силу экономической необходимости; именно каждодневному решению экономических задач обязано человечество как вид своей начальной подготовкой в области рационального мышления и поведения — не побоюсь сказать, что вся логика строится по образцу экономических решений или, если воспользоваться моей любимой формулировкой, что экономические образцы образуют матрицу логики» [Шумпетер, 2008, 502].

Капитализм отвергает все чисто инстинктивное как несовместимое с его рационалистическим духом. Возникает социальная и психологическая атмосфера, в которой традиционные формы поведения уже не могут больше воспроизводиться и передаваться из поколения в поколение только потому, что они освящены традицией: «В капиталистическом мире “инстинкт”, являющийся не более чем “инстинктом” и лишившийся своей прежней функции, достаточно быстро хиреет — подобно тому, как это происходит с неэффективной экономической практикой. Мы наблюдаем этот процесс рационализации в действительности применительно даже к наиболее сильным импульсам» [Schumpeter, 1966, 68–69]. Иррациональные империалистические импульсы не составляют здесь исключения. Капитализм делает их дисфункциональными и ведет к их постепенному изживанию, поскольку бесцельное стремление к насильственной экспансии лишено каких-либо рациональных оснований.

Во-вторых, капитализм нуждается не в захвате новых территорий, а в торговле с их жителями, ему нужны потребители, а не политическое господство и, чтобы эффективно функционировать, он не должен быть империалистическим. Там, где преобладает свобода торговли, у всех социальных групп исчезает заинтересованность в насильственной экспансии как таковой: «В подобных условиях граждане и товары любой нации могут перемещаться по другим странам так же свободно, как если бы это были их страна ... При подлинном режиме свободной торговли иностранное сырье и продукты оказываются так же доступны для каждой страны, как если бы они находились на ее территории» [Ibid., 75]. Тогда перестает иметь значение, какой стране принадлежит власть над колонией или компания из какой страны владеет железнодорожной концессией [Ibid., 76]. Выигрыш состоит в увеличении общего предложения товаров за счет разделения труда между нациями, а не в доходах экспортных отраслей. Обогащая каждую нацию исходя из принципа сравнительных преимуществ, капитализм способствует сдерживанию международных конфликтов и ведет тем самым к миру, а не к войне. Согласно Шумпетеру, выгоды от международной торговли и экспорта капитала делали его изначально мирной системой, как и утверждали либералы XIX века, такие как Р. Кобден [Ibid., 171].

В-третьих, капитализм предоставляет гораздо больше возможностей для канализации избыточной энергии общества, направляя ее в мирное русло. Экономическая активность поглощает энергию огромного числа людей, поскольку «постоянное приложение сил, концентрация внимания и энергии — это условия выживания в ней» [Schumpeter, 1966, 69]. Конечно, прежде всего это проявляется в специфически экономических профессиях, но затрагивает и другие виды занятий, организованных по той же модели. Большая часть имеющейся в обществе избыточной энергии перетекает в промышленность, а остальная посвящается искусству, науке, социальной активности и т.д. [Ibid.]. Как следствие, приток людей в военную сферу начинает иссякать.

В-четвертых, из-за того, что при капитализме «на войну и завоевания направляется гораздо меньше избыточной энергии, чем в любом докапиталистическом обществе», народ, живущий в подобных условиях, пропитывается невоенным духом: «Нам следует ожидать, что антиимпериалистические тенденции будут проявляться везде, где капитализм проник в экономику, а через экономику — в сознание современных наций, причем полнее всего ... там, где он сильнее, где он продвинулся дальше, где он столкнулся с меньшим сопротивлением, и особенно там, где сформированные им социальные типы ... оказались ближе к овладению политической властью» [Ibid., 69–70].

В этом смысле характерно, замечал Шумпетер, как широко во всем капиталистическом мире распространено резко отрицательное отношение к войнам, экспансиям, кабинетной дипломатии, гонке вооружений и профессиональным армиям: «Современный пацифизм по своим политическим основаниям, не говоря уже о его происхождении, несомненно, является феноменом капиталистического мира» [Ibid., 70]. Везде, куда проникал капитализм, возникали сильные политические партии, выступавшие за мир, так что вступление в войну всегда означало резкое обострение внутривнутриполитической борьбы²⁵. Даже в политическом лексиконе произошли радикальные изменения: «Само слово “империализм”, — отмечал Шумпетер, — применяется сегодня только в негативном смысле и только по отношению к врагам,

²⁵ «Именно поэтому сегодня правительства всегда объявляют развязанные ими войны оборонительными, тогда как раньше в этом не было необходимости» [Schumpeter, 1966, 70].

но его тщательно избегают по отношению к своей собственной политике» [Schumpeter, 1966, 71]. Наконец, капиталистическая эпоха способствовала выработке методов предотвращения войн и мирного разрешения конфликтов между государствами, что еще больше ограничило возможности империализма [Ibid., 72].

И поскольку капитализм по своей сути — это мирный социальный порядок, «в чисто капиталистическом мире нет плодотворной почвы для империалистических импульсов» [Ibid., 69]. Капиталистический мир подавляет, а не создает подобные импульсы [Ibid., 74]. Отсюда Шумпетер делал логичный вывод об отсутствии генетической связи между капитализмом как социальной системой и империализмом как политической ориентацией: «Реально существующие империалистические тенденции не выводятся непосредственно из капитализма: в них следует видеть только чужеродные элементы, привнесенные в мир капитализма извне и поддерживаемые некапиталистическими факторами современной жизни» [Ibid.].

Империализм и «исторический» капитализм. Однако несовместимость с империализмом «чистого» капитализма не означает, что «исторический» капитализм, каким он существовал в реальности, полностью исключал любые империалистические элементы, многие из которых продолжают действовать до сих пор. Шумпетер остается верен своему общему подходу, обнаруживая у капиталистической эпохи множество устаревших социальных структур и психологических установок, соответствовавших потребностям общества когда-то в прошлом, но ставших теперь дисфункциональными и нарушающих нормальную работу рыночной системы.

Исторически капитализм зарождался в недрах абсолютистских режимов и империализм относится к числу атавизмов, унаследованных современным миром от того периода: «Именно от абсолютистских автократий нынешний век перенял характерные для него империалистические тенденции» [Ibid., 66]²⁶. Поэтому если в рамках капитализма и существует тенденция к империализму, то исходит она не от него (см. выше), а от остатков прежних — доиндустриальных и докапиталистических — структур.

²⁶ Важно, однако, не забывать, что «империализм таких автократий процветал до начала Промышленной революции, создавшей современный мир, или, скорее, до того, как ее последствия начали ощущаться во всей полноте» [Schumpeter, 1966, 66].

Главное, по мысли Шумпетера, — это врожденная политическая слабость буржуазии, олицетворяющей новые экономические отношения. На практике ей почти всегда приходилось вступать в вынужденный союз с социальными силами, которые доминировали в более ранний период, продлевая тем самым им жизнь: «На самом деле капитализм не доминировал полностью нигде на континенте ... Кто хочет понять Европу, не должен упускать из виду, что даже сегодня ее жизнь, ее идеология, ее политика находятся под сильным влиянием “феодалного субстрата” и что, хотя буржуазия везде может отстаивать свои интересы, “правит” она только при исключительных обстоятельствах и только недолго. Буржуа вне своего офиса и капиталистический профессионал вне своей профессии представляют собой очень жалкое зрелище [Schumpeter, 1966, 91, 93]²⁷.

Шумпетер выделял несколько элементов этого «феодалного субстрата».

Во-первых, за века абсолютизма буржуазия привыкла к своему зависимому положению от авторитарного государства: «Торгово-промышленная буржуазия осознавала свою зависимость от суверена, поскольку нуждалась в его защите от оставшихся могущественными феодалов, а также от неопределенностей того беспокойного времени» [Ibid., 91]²⁸. Даже двигаясь по пути капитализма, она продолжала воспринимать себя как служанку государства, а его — как главного защитника своих интересов: «Именно у государства буржуазия со своими интересами ищет прибежища, защиты от внешних и даже внутренних врагов. Буржуазия стремится привлечь на свою сторону государ-

²⁷ Ср.: «Без защиты того или иного небуржуазного слоя буржуазия оказывается политически беспомощной и неспособной не только вести за собой нацию, но даже защитить свои собственные классовые интересы. Короче говоря, она нуждается в хозяйской руке» [Шумпетер, 2008, 520].

²⁸ «Торговля и промышленность раннего капиталистического периода остались сильно пропитанными докапиталистическими методами, несли на себе печать автократии и вольно или невольно служили ее интересам. С такого рода традиционными привычками восприятия, мышления и действия буржуазия вступила в Промышленную революцию. Другими словами, она была сформирована потребностями и интересами среды, которая была по сути некапиталистической или, по меньшей мере, докапиталистической — потребностями, вытекавшими не из природы капиталистической экономики как таковой, а из факта сосуществования раннего капитализма с иным и поначалу чрезвычайно влиятельным образом жизни» [Schumpeter, 1966, 91].

ство и взамен служит государству и государственным интересам, отличным от ее собственных» [Schumpeter, 1966, 93]²⁹. Не удивительно, что она практически никогда не выступала с претензиями на политическую власть, так что государство, как и раньше, продолжало оставаться в руках автократов: «Она не овладела государством как абстрактной организационной формой, отняв его у суверена. Государство осталось особой социальной силой, противостоящей буржуазии. В некоторых странах оно продолжает играть эту роль и по сей день» [Ibid.]³⁰.

Во-вторых, развивающийся капитализм не смог смести аристократию, которая в качестве высшего класса в большинстве случаев сохраняла свое влияние и престиж: на нее «буржуазия, как хорошо известно, всегда смотрит снизу вверх и готова вступить с нею в союз несмотря на все реальные конфликты» [Ibid.]. Буржуа с готовностью принимают роль ведомых и легко подпадают под обаяние престижа и социального статуса имперской элиты. Абсолютистская власть дисциплинировала аристократию, приучила ее к лояльности, «огосударвила» и, как было показано в предыдущем разделе, «империализировала» ее [Ibid.]. Вступив в капиталистическую эпоху с этими установками, аристократия так и осталась ориентированной на внешнюю агрессию³¹. Сохранение у нее «империалистических» тенденций — это атавизм, сформированный социальной ситуацией прошедших веков.

В-третьих, «империалистический абсолютизм» (выражение Шумпетера) формировал не только экономическую жизнь, но и сознание буржуазии — в интересах автократии и вопреки ее собственным интересам. Вследствие этого еще меньше, чем на расстановку социальных сил, капитализм «повлиял на дух народа и его политические устремления»: «Этим объясняется, почему особенности и тенденции автократии — включая империализм — оказались столь живучими и почему они оказали столь сильное влияние на капиталистическое развитие» [Ibid., 92].

²⁹ «Капиталистические группы скорее приспособляются к политике своих государств, нежели определяют ее, и сегодня в большей степени, чем прежде» [Шумпетер, 2008, 434].

³⁰ «На своем посту лидера феодальных держав и в качестве военачальника суверен выжил несмотря на наступление Промышленной революции» [Schumpeter, 1966, 93].

³¹ «Аристократия продолжала верховодить вплоть до конца периода девственного и бурно растущего капитализма» [Шумпетер, 2008, 518].

Подчинение автократической власти и союз с ней вели к тому, что буржуазия оказывалась склонна усваивать ее экономические и политические установки. Пропитанная духом старой автократии и воспитанная ею, она была готова перенимать ее идеологию [Schumpeter, 1966, 95]. Шумпетер иллюстрировал этот тезис на примере идеологических трендов, традиционно питавших империалистическую политику абсолютистских автократий, — милитаризма и агрессивного национализма. Буржуазия легко поддавалась им, хотя ни милитаризм ни национализм «никоим образом не следовали из “внутренней логики” самого капитализма» [Ibid., 97]. В результате современное буржуазное сознание страдает от раздвоенности, потому что частично определяется капитализмом, а частично силами докапиталистического прошлого. Этой дихотомией Шумпетер объяснял слабость позиций буржуазии в политике, культуре и социальной жизни.

Сохранение атаквистических структурных элементов прошедшей эпохи — автократического государства, мощной «военной машины», влиятельной аристократии, милитаристской идеологии — способствовало тому, что несмотря на чуждость капиталистическому порядку как таковому империалистические тенденции никогда не исчезали полностью и при первой возможности заявляли о себе вновь. Эти остатки социальных структур давнего прошлого всегда готовы вовлечь нацию в очередную империалистическую авантюру. Согласно Шумпетеру, в конечном счете именно на них лежит ответственность за новейший империализм конца XIX — начала XX веков.

Империализм и поздний («монополистический») капитализм. Возможно, это самая сложная для интерпретации часть шумпетеровской конструкции.

На первый взгляд, может показаться, что его предшествующая аргументация предполагает, что у новейшего империализма нет никакой экономической основы и что он порождается исключительно внеэкономическими факторами, унаследованными современной эпохой от прежних времен. Однако Шумпетер такого вывода не делал. Обращаясь к новой форме капитализма, возникшей в конце XIX — начале XX веков, он фиксировал у нее свойства, создающие прямую экономическую заинтересованность — по крайней мере, у некоторых социальных групп — в империалистической политике. Интересно, что при ее опи-

сании Шумпетер сближался — почти до неразличимости — с Гобсоном и марксистскими теоретиками. Мы находим на страницах его эссе примерно тот же набор характеристик: картели, тресты, монополизация, слияние промышленного и банковского капитала, протекционизм, колониализм, гонка вооружений, эскалация военных конфликтов т.д. Этот тип капитализма Шумпетер обозначал терминами «зависимый от экспорта монополистический капитализм» или просто «экспортный монополизм», поскольку с его точки зрения тенденция к монополизации экономики была производной от той протекционистской политики, к которой в конце XIX — начале XX веков обратились правительства большинства европейских стран.

Таким образом, Шумпетер не отрицал, что у новейшего империализма есть достаточно солидная экономическая база и это — монополистический капитал. В новой ситуации иррациональные импульсы, традиционно подталкивавшие к империализму, получают поддержку от рациональных экономических интересов. В таком соединении капиталистических и некапиталистических факторов и состоит, по мысли Шумпетера, специфика империализма новейшего типа: «Именно из этого союза складывается картина современного империализма» [Schumpeter, 1966, 74].

Но в чем конкретно состоит возможный выигрыш современных капиталистов (точнее — какой-то их части) от империалистической политики государства, почему они готовы ее поддерживать и насколько велик их вклад в нее? Отвечая на этот вопрос, Шумпетер выстраивал длинную цепочку аргументов³².

Начинает он с напоминания, что при системе свободной торговли все империалистические импульсы оказываются отключены, потому что при ней конкуренция разворачивается не между нациями и не между классами, принадлежащими к разным на-

³² Конечно, природа капиталистической (да и всякой меновой) экономики, замечал Шумпетер, такова, что в ней всегда найдутся группы, которым политика государства, какой бы она ни была, окажется экономически выгодна, включая политику войн и завоеваний. Это могут быть предприниматели военной промышленности, крупные землевладельцы, денежные спекулянты и т.д. Однако подобная экономическая заинтересованность возникает только *post factum*, а вопрос заключается в том, способен ли класс капиталистов выступать инициатором империалистической политики. Ответ Шумпетера был отрицательным: «Самое большое, к чему может привести [экономическая] заинтересованность в экспансии, так это то, что капиталисты окажутся союзниками тех, кто выражает империалистические устремления» [Schumpeter, 1966, 75].

циям, а между индивидуальными предпринимателями независимо от того, к какой нации каждый из них относится [Schumpeter, 1966, 75]. Ситуация меняется при системе протекционизма, когда производители из каждой страны оказываются заинтересованы, с одной стороны, в разрушении торговых барьеров, вводимых другими странами, а, с другой, в установлении своего монопольного контроля над рынками (прежде всего — внутренними), где раньше преобладала конкуренция. Временами конфликт интересов может доходить до применения прямого насилия, подготавливая почву для полноформатного империализма³³.

Однако для перехода к безостановочной насильственной экспансии одного протекционизма недостаточно. Даже в этом случае экономика будет все равно оставаться на вторых ролях, выступая всего лишь «оружием в политической борьбе, средством для объединения нации, для отделения ее от ткани международных интересов, для ее попадания под пяту государственной власти» [Ibid., 78]. В этом нетрудно убедиться, если задать вопрос, какие слои капиталистического мира выигрывают от протекционизма?

Проигрыш для потребителей является универсальным, а для производителей — почти универсальным. От протекционизма страдают интересы как рабочих, так и капиталистов. Выгоду получают только предприниматели из защищенных отраслей, но и она существенно уменьшается, если другие страны начинают предпринимать контрмеры аналогичного характера или если из-за введения тарифов начинают расти цены на товары, необходимые этим отраслям³⁴. Тем не менее предпринимательские круги почти всегда выступают за тарифы и квоты, так как каждая отрасль надеется добиться в ходе

³³ «Протекционистские тарифы ... экономически отдаляют страны друг от друга, облегчая победу империалистическим тенденциям; они выстраивают предпринимателей разных стран в боевой порядок друг против друга, препятствуя возникновению мирных связей; они также препятствуют потокам импорта сырья и продуктов питания и экспорта промышленной продукции или, наоборот, импорта промышленной продукции и экспорта сырья и продуктов питания, создавая подчас заинтересованность в насильственном расширении подтаможенной территории; они ставят предпринимателей в положение зависимости от решений правительств, которые могут преследовать империалистические интересы ... навязывая людям тяжкие жертвы, которых требует политика автаркии, и приучая их таким образом к постоянным мыслям о войне и подготовке к ней» [Schumpeter, 1966, 77].

³⁴ У Шумпетера предприниматели (инициаторы и организаторы производства) и капиталисты (поставщики капитала) — это два разных класса.

политических интриг особых привилегий исключительно для себя [Schumpeter, 1966, 78]. Но даже среди предпринимателей реально выигрывает от этой политики лишь абсолютное меньшинство. По большому счету протекционизм экономически выгоден единственной социальной группе — землевладельцам.

Однако у него есть еще одно, гораздо важное следствие, которому Шумпетер придает огромное значение. Все дело в том, что протекционистская политика косвенным образом способствует постепенной монополизации экономики — образованию картелей и трестов, создавая среди предпринимателей тесно сплоченные коалиции со специальными интересами: «Это обстоятельство коренным образом меняет расстановку интересов» [Ibid., 79]. Первыми на этот непрямой эффект протекционизма обратили внимание коллеги Шумпетера по семинару Е. Бём-Баверка, австромарксисты Бауэр [Baue, 1907/2000] и Гильфердинг [Гильфердинг, 2022], в чем он видел их несомненную заслугу [Schumpeter, 1966, 79].

Объединение в картели и тресты обеспечивает предпринимателям экономию издержек, более сильную переговорную позицию во взаимоотношениях с рабочими и, главное, возможность проводить монопольную ценовую политику: «Поскольку конкуренции нет, они могут использовать дешевую местную рабочую силу, которая не перестает при этом быть дешевой; они могут продавать свою продукцию даже в колониях по монопольным ценам; они могут, наконец, инвестировать капитал, который в противном случае только понижал бы норму прибыли внутри страны» [Ibid., 83]. Упрощенно такая ценовая политика сводится к тому, что ограниченный объем продукции картели и тресты продают внутри страны по монопольно высоким ценам, а остальное «сбрасывают» за рубеж по демпинговым ценам. Экспорт капитала, подобно экспорту товаров, также приобретает агрессивный характер, поскольку в условиях монополизированной экономики крупные банки получают возможность подчинять себе промышленность: «Монополистический капитализм фактически слил в одно целое крупные банки и картели» [Ibid., 81]³⁵. Между крупными финансами и картельными магнатами складывается тесный альянс, входящий подчас до личной унии [Ibid.]. По словам Шумпетера,

³⁵ В этом пункте позиция Шумпетера не отличалась от позиции Гильфердинга [Гильфердинг, 2022], первым заговорившим о финансовом капитале как соединении промышленного и банковского капитала.

в лице крупных банков капитализм нашел центральный орган, который заменяет его автоматизм сознательными решениями.

Отсюда — неизбежность постоянного конфликта интересов: «В условиях такой борьбы между “демпинговыми” товарами и капиталами становится уже не безразлично, кто построит железную дорогу, кому принадлежит шахта или колония. Главное — как-то закрепиться, а затем использовать этот плацдарм как базу для завоевания новых рынков» [Schumpeter, 1966, 82]. Отношения между нациями приобретают, говоря современным языком, характер игры с нулевой суммой: «Им остается только проводить курс на то, чтобы подавлять иностранную промышленность везде, где только можно, вынуждая ее заключать выгодный для себя “мир”» [Ibid., 80]. В подобной ситуации огромную привлекательность приобретает идея военной силы: «Сила может помочь разрушить иностранные таможенные барьеры ... Если это неосуществимо, военное завоевание может, по крайней мере, обеспечить контроль над рынками, на которых раньше приходилось конкурировать с врагом. В этом контексте завоевание колоний также приобретает совершенно иное значение» [Ibid., 82].

Таким образом, в условиях «экспортного монополизма» возникает коалиция экономических бенефициаров империалистической политики, состоящая из крупных промышленных предприятий и ведущих банков: «Мы имеем внутри страны социальную группу, которая обладает огромным политическим весом и безусловно сильной экономической заинтересованностью в таких проявлениях как протекционистские тарифы, картели, монопольные цены, принудительный экспорт (демпинг), агрессивная экономическая политика, агрессивная внешняя политика вообще и войны в частности, в том числе экспансионистские войны, носящие типично империалистический характер» [Ibid., 84]³⁶. Чем острее конкуренция среди «экспортных монополистов», принадлежащих к разным странам, тем выше их потенциальные преимущества от протекционизма и войн. Так у новейшего империализма появляется реальная экономическая основа.

³⁶ «Экспортные монополисты» оказываются также заинтересованы в отвлечении внимания публики от своего привилегированного положения, переключая его на внешнего врага, реального или мнимого: «Существует и политическая заинтересованность в войнах и поддержании ненависти к другим народам, которая объясняется ненадежностью положения правящих кругов» [Schumpeter, 1966, 84].

Трудно не признать, что картина «экспортного монополизма», нарисованная Шумпетером, во многом совпадает с тем, как изображали капитализм конца XIX — начала XX веков Гобсон и марксистские авторы. Однако описание — это одно, а объяснение — совсем другое. В этом ключевом пункте теории Шумпетер решительно расходилась с другими трактовками.

С его точки зрения вклад «экспортного монополизма» в формирование новейшего империализма не следует переоценивать, на самом деле он не так велик. В этом контексте он указывал на несколько факторов: узость группы бенефициаров, экономически выигрывающих от империалистической практики; крайнюю непопулярность этой группы в обществе³⁷; ее подчиненное положение по отношению к государству; вторичную роль, которую при объяснении империалистических тенденций принадлежит экономическим факторам по сравнению с внеэкономическими. Но самое главное, на его взгляд, заключалось в том, что «экспортный монополизм» не был органически связан с капитализмом и не вытекал из законов его внутреннего развития. В протекционизме, расцвете картелей и трестов Шумпетер видел не новую фазу капитализма, а еще один — на этот раз экономический — атавизм, восходящий своими корнями к эпохе абсолютных монархий: по его утверждению, было бы *«глубокой ошибкой описывать империализм как необходимую фазу капитализма или даже говорить о перерастании капитализма в империализм»* [Schumpeter, 1966, 89, курсив автора].

Этот ошибочный вывод, к которому приходила «неомарксистская школа», Шумпетер объяснял тем, что она смешивала два совершенно разных процесса — тенденцию к крупномасштабному производству, которая коренится в природе капитализма, и тенденцию к монополизации, которая представляет чужеродное ему явление: Если первая рождается из автоматизма рыночной конкуренции, то вторая ему противоположна: «Ха-

³⁷ В демократических странах «экспортному монополизму» никогда не удастся привлечь на свою сторону большинство общества: «Чтобы довести политику экспортного монополизма до крайностей насильственной экспансии, необходимо привлечь на свою сторону все слои населения ... но реальная заинтересованность в экспортном монополизме как таковом ограничивается предпринимателями и их союзниками, крупными финансами» [Schumpeter, 1966, 85]. Неприятие «экспортного монополизма» основной массой населения резко ограничивает его экономические и политические возможности.

рактер капитализма ведет к крупномасштабному производству, но ... не ведет к такой неограниченной концентрации, которая оставила бы лишь одну или несколько фирм в каждой отрасли ... Возникновение трестов и картелей — явление, совершенно отличное от тенденции к крупномасштабному производству, с которой его часто путают, и оно никак не следует из автоматизма конкурентной системы ... Тресты и картели могут достичь своей основной цели — проведения монопольной политики — только за счет покровительственных тарифов ... [которые] не возникают автоматически из конкурентной системы. Они являются плодом политических действий» [Schumpeter, 1966, 88]. Иными словами, за спиной «экспортных монополистов» всегда так или иначе стоит государство.

Но если «экспортный монополизм» не вытекает из функционирования капиталистической системы, то, значит, его корни нужно искать в не связанных с ней факторах. Именно так и поступал Шумпетер, указывая на доиндустриальный характер двух ключевых элементов позднего — «монополистического» — капитализма: протекционизм и крупный банковский капитал.

Исторически протекционизм представлял собой меркантилистское орудие в руках европейских абсолютных монархий. Это еще один пережиток эпохи абсолютизма, который капитализм не сумел преодолеть. Тарифы возникали из финансовых интересов монархии и были методом эксплуатации промышленных и торговых кругов. Другой фактор, который действовал в том же направлении, — это финансовые отношения между крупными банкирскими домами и сувереном. Как следствие, и протекционистскую политику и власть крупных банков нужно рассматривать как атавизмы, возникшие когда-то для обслуживания нужд автократического государства и унаследованные современной эпохой от эпохи меркантилизма. Не случайно, что в большинстве стран, где возобладал «экспортный монополизм», его энергично поддерживали, с одной стороны, живущее пережитками абсолютистского прошлого автократическое государство и, с другой, живущая пережитками меркантилистского прошлого буржуазия [Ibid., 97].

Однако, предупреждал Шумпетер, это не значит, что движущей силой новейшего империализма конца XIX — начала XX веков служил именно «экспортный монополизм». Несмотря

на свою политическое и экономическое влияние, «экспортные монополисты» недостаточно сильны, чтобы определять империалистическую повестку. Они способны лишь использовать благоприятные возможности, возникающие тогда, когда экспансионистские установки, которые продвигают политики, военные круги, крупные землевладельцы и ведущие банкиры, получают широкую поддержку в обществе. В руках невоинственной буржуазии «экспортный монополизм» никогда бы не смог превратиться в империализм: «Если это произошло, то только из-за унаследованной от прошлого военной машины вместе с присущей ей социально-психологической аурой и агрессивными устремлениями, а также из-за того, что элита, ориентированная на войну, продолжала удерживать позиции правящего класса» [Schumpeter, 1966, 97].

Будущее империализма. Из пессимистического диагноза, поставленного Шумпетером, как ни странно, следовал оптимистический прогноз: у бесцельного насильственного экспансионизма будущего нет, раньше или позже «империализмы» захиреют и отомрут» [Ibid., 98]. Силой, обрекающей их на исчезновение, выступает прогрессирующее развитие капитализма, распространяющего плоды непрерывно растущего материального благосостояния на все общество. Оживление империалистических тенденций в конце XIX — начале XX веков — всего лишь временная aberrация. На это однозначно указывала шумпетеровская теория империализма как атавистического социального феномена: «Поскольку порождавшие империализм жизненно важные потребности ушли уже навсегда, он также должен будет постепенно исчезнуть, хотя всякое военное вмешательство ... будет чревато его временным возрождением» [Ibid., 65]. Соответственно, «на более поздних этапах истории народа или культуры империализм должен терять интенсивность» [Ibid.].

Объясняя, почему этого следует ожидать, Шумпетер возвращается к своим предыдущим аргументам, но добавляет к ним еще один, касающийся судьбы «экспортного монополизма».

1. Индустриализация порождает новые социальные группы, выступающие против империализма, — это буржуазия, рабочие, интеллектуалы, профессионалы и рантье: «Все они неизбежно подвергаются процессам демократизации, индивидуализации и рационализации» [Ibid., 1966, 68]. В результате в демократи-

ческих странах политическая поддержка империализма оказывается крайне слабой. Важно также, что демократия поощряет публичную критику групп со специальными интересами, от которых могут исходить империалистические импульсы. Как следствие, развитие капитализма и демократии ведет к эрозии авторитарных режимов и сопутствующих им империалистических тенденций.

2. С развитием капитализма атавистические социальные структуры, поддерживающие империализм, все больше приходят в упадок и вытесняются другими структурами, в рамках которых для него уже нет места: «Докапиталистические элементы нашей социальной жизни, возможно, все еще сохраняют большую жизнестойкость; особые обстоятельства жизни нации могут время от времени возрождать их; но в конце концов климат современного мира должен будет их уничтожить. Это тем более несомненно, что их опоры в современном капиталистическом мире изготовлены не из самого прочного материала» [Schumpeter, 1966, 98].

3. Порождаемая капитализмом рационализация жизни и сознания общества подрывает традиционные способы мышления и эмоционального реагирования и избыточная энергия, бывшая когда-то воинственной, преобразуется в иные формы. По мере того, как иррационализм уступает место рациональному поведению, имперские устремления также начинают постепенно сходиться на нет.

4. Наконец, экономическая база новейшего империализма не отличается особой прочностью. В длительной перспективе, полагал Шумпетер, «экспортный монополизм» нежизнеспособен: «Экспортный монополизм может погибнуть в результате революции или от него могут отказаться мирным путем; это может случиться вскоре, а может занять немало времени и потребовать острой борьбы; но одно можно сказать наверняка: это произойдет» [Ibid.]. С одной стороны, волны интенсивных инноваций не позволят исчезнуть силам конкуренции, что предотвратит возникновение «монополистического капитализма» в том виде, как его изображали «неомарксисты». С другой, возможность финансирования инноваций за счет нераспределенной прибыли неизбежно будет ограничивать экономическую власть крупных банков. И как только протекционизм и финансовые магнаты утратят поддержку государства, «экспортный монополизм» уйдет в прошлое.

Конечно, его упадок не избавит автоматически общество ни от воинственных инстинктов, ни от ориентированных на войну организационных форм, но со временем будут преодолены и они. И тогда вместе с ними умрет империализм. Так, предсказывал Шумпетер, неизбежно случится, потому что эти психологические установки и эти социальные структуры соответствуют прошлым, а не современным экономическим отношениям, которые формируют капиталистическую систему.

Заключение

Эссе Шумпетера «Социология империализмов» — интереснейшая страница в истории экономической и социологической мысли. Хотя оно не привлекло большого внимания со стороны академического сообщества, сам Шумпетер считал его одним из своих важнейших теоретических достижений. Интересно, что вернувшись почти через четверть века к проблеме империализма в «Капитализме, социализме и демократии», он ничего не стал менять в своей концепции, повторив ее практически буквально.

С самого начала Шумпетер дистанцировался от этической оценки феномена империализма, заняв позицию беспристрастного наблюдателя: «В задачи настоящей работы — писал он, — не входила этическая, культурная или политическая оценка этого процесса. Для предпринятого нами исследования совершенно безразлично, врачует ли он язвы или насылает тьму. Судить об этом не дело науки» [Schumpeter, 1966, 98]. Конечную цель своего анализа он видел в том, чтобы «на важном примере продемонстрировать правоту древней мудрости, что живыми всегда правят мертвые» [Ibid.]. Однако для этого ему потребовалась сложная и изощренная интеллектуальная конструкция.

Принимая идею Маркса об «экономической интерпретации истории», Шумпетер не следовал ей так прямолинейно, как марксистские авторы, допуская большие разрывы во времени между типом экономических отношений и типом действующих институтов. Ярким примером такого разрыва он считал феномен империализма, коренящийся в социальных структурах и психологических установках, унаследованных от давно прошедших эпох.

Разработанная Шумпетером оригинальная теория «империализма как атавизма» ставила его в жесткую оппозицию по отно-

шению ко всем другим теоретическим объяснениям, которые высказывались в литературе на эту тему. Его видение империализма как экспансии ради самой экспансии не утратило эвристической ценности и помогает лучшему пониманию многих исторических феноменов. В отличие от большинства других исследователей Шумпетер считал империализм нежизнеспособным и не имеющим прочной экономической базы явлением, которое в будущем ждет исчезновение. Распад колониальной системы подтвердил правильность сделанного им прогноза о том, что империализм в форме борьбы между развитыми странами за захват слаборазвитых стран обречен на отмирание. В то же время ретроспективно представляется очевидным, что он недооценил живучесть протекционизма и переоценил глубину проникновения в жизнь современных обществ «капиталистической» рациональности. Роль еще одного фактора — идеологического — также, по-видимому, была и остается значительно больше, чем допускал Шумпетер.

Эссе Шумпетера содержало опровержение широко распространенных в социальной литературе обвинений капитализма в том, что он неизбежно ведет к империализму. На фоне «неомарксистских» трактовок, которые он подверг развернутой критике, его анализ предстает, на наш взгляд, как более глубокий и как более адекватный, не говоря уже о широте представленной в «Социологии империализмов» исторической панорамы. Шумпетер отбросил как логически и фактически несостоятельные идеи «недопотребления», «перенакопления», «неэквивалентного обмена» и т.д., традиционно составлявшие теоретический фундамент марксистских концепций. Вместо того, чтобы объявлять его, как это делали они, новейшей стадией капитализма, он, напротив, помещал империализм не в будущем, а в прошлом, рассматривая экспансионистские тенденции как пережиток более примитивной стадии развития общества.

Ключевой аргумент Шумпетера при всей его простоте и очевидности имеет огромное аналитическое значение: если мы обобщенно называем современную эпоху «капиталистической», отсюда никак не следует, что все, что в эту эпоху происходит, является порождением капитализма. Многое из того, что мы наблюдаем, может быть результатом противостоящих ему — докапиталистических или антикапиталистических — сил, продолжающих существовать в рамках «капиталистической» системы. Один из таких

реликтов далекого прошлого Шумпетер как раз и видел в империализме. Как показал его анализ, последователи Маркса (и не только они) регулярно впадают в эту фатальную ошибку, приписывая «капитализму» то, что при более внимательном анализе оказывается продуктом чуждых ему элементов, унаследованных — прямо или косвенно — от предшествующих эпох.

Нам кажется, это важный методологический урок, о котором не стоит забывать и за который мы должны быть благодарны Йозефу Шумпетеру.

Литература

- Арендт Х.* (2020). Истоки тоталитаризма. М.: Скрипториум.
- Гильфердинг Р.* (2022). Финансовый капитал: новейшая фаза в развитии капитализма. М.: URSS.
- Ленин В. И.* (1969). Капитализм как высшая стадия империализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат. Т. 27. С. 299–426.
- Шумпетер Й. А.* (2004). История экономического анализа. СПб.: «Экономическая школа». Т. 1.
- Шумпетер Й. А.* (2008). Капитализм, социализм и демократия / *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия // под ред. В. С. Автономова М.: Эксмо. С. 363–824.
- Adair-Toteff C.* (2014). Imperialism: Necessary and Beneficial? – Review of the Works of Hobson, Weber, and Schumpeter // International Critical Thought. Vol. 4. No. 1. P. 86–97.
- Bauer O.* (1907/2000). The Question of Nationalities and Social Democracy. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Brewer A.* (2001). Marxist Theories of Imperialism: A Critical Survey. 2nd ed. L.: Taylor & Francis.
- Davis H. B.* (1960). Schumpeter as Sociologist // Science and Society. Vol. 24. No. 1. P. 21.
- Hobson J. A.* (1902). Imperialism: A Study. L.: Archibald Constable & Co.
- Kautsky J. H.* (1961). J. A. Schumpeter and Karl Kautsky: Parallel Theories of Imperialism // Midwest Journal of Political Science. Vol. 5. No. 2. P. 101–128.
- Knorr K.* (1952). Theories of Imperialism // World Politics. Vol. 4. No. 3. P. 402–431.
- Krause G.* (2003). On a Virtually Forgotten: Joseph A. Schumpeter’s “The Sociology of Imperialisms” // Joseph Alois Schumpeter Entrepreneurship style and vision / ed. by J. Backhaus. NY: Kluwer Academic Publishers. P. 179–190.
- Mises L.* (1983). Nation, State, and Economy. N.Y.: New York University Press.
- Schumpeter J. A.* (1939). Business Cycles. A theoretical, historical, and statistical analysis of the capitalist process. NY: McGraw-Hill.
- Schumpeter J. A.* (1966). The Sociology of Imperialisms / In: Schumpeter J. A. Imperialism and Social Classes. Cleveland: The World Publishing Company. P. 1–98.

- Swedberg R.* (1991a). *The Man and His Work* // Schumpeter J. A. *The Economics and Sociology of Capitalism* / ed. by R. Swedberg. Princeton: Princeton University Press. P. 3–98.
- Swedberg R.* (1991b). *Schumpeter: A Biography*. Princeton: Princeton University Press.
- Sweezy P. M.* (1951). Schumpeter on ‘Imperialism and Social Classes’ // Harris S. E. (ed.). *Schumpeter. Social Scientist*. Cambridge: Harvard University Press.
- Taylor O. H.* (1951). Schumpeter and Marx: Imperialism and Social Classes in the Schumpeterian System // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 65. No. 4. P. 525–555.
- Wasserman J.* (2019). *The Marginal Revolutionaries: How Austrian Economists Fought the War of Ideas*. Yale: Yale University Press.

Kapeliushnikov, R.

Forgotten classics: theory of imperialism by J. A. Schumpeter's [Electronic resource] : Working paper WP3/2024/03 / R. Kapeliushnikov ; National Research University Higher School of Economics. – Electronic text data (365 Kb). – Moscow : HSE Publishing House, 2024. – 51 p. – (Series WP3 “Labour Markets in Transition”). (In Russian)

The paper analyses the little-known essay of one of the classics of economic thought, J. A. Schumpeter (1883–1950), “The Sociology of Imperialisms,” where he appears not as an economic theorist, but as an economic sociologist. The problem of imperialism interested Schumpeter almost throughout his scientific career. His theory was polemically directed against various Marxist interpretations, in which imperialism was viewed as a product of late (“monopolistic”) capitalism and which he subjected to sharp criticism. Schumpeter defined imperialism as objectless disposition on the part of a state to unlimited forcible expansion, finding examples of it throughout history from Ancient Egypt to the present day. Unlike Marxist authors, he saw capitalism not as a source, but, on the contrary, as an antipode of imperialism. His key idea was that imperialism is an atavism that is rooted in social structures and psychological attitudes inherited by the modern world from the pre-capitalist era. According to his forecast, in the course of the further capitalistic development, these relics of the past will be eliminated and imperialism will disappear along with them. Many of the ideas expressed by Schumpeter in his essay are still of considerable interest.

Key words: Schumpeter, imperialism, sociology, economic interpretation of history

JEL: A12, B13, N4, Z13

Препринт WP3/2024/03
Серия WP3
Проблемы рынка труда

Капелюшников Ростислав Исаакович

**Забытая классика:
теория империализма Й. А. Шумпетера**

Публикуется в авторской редакции